

УДК 37.015.3

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-3-86-97

ИЗУЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ПРОФИЛАКТИКИ СКУЛШУТИНГА

Малюшина Ю. А.¹, Шатилович С. Н.², Федорова О. Б.³

¹ Курганский государственный университет
6400020, Курганская обл., г. Курган, ул. Советская, д. 63, Российская Федерация

² Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации
625049, Тюменская обл., г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, Российская Федерация

³ Управление Министерства внутренних дел России по Курганской области
640626, Курганская обл., г. Курган, ул. Куйбышева, д. 81, Российская Федерация

Аннотация

Цель данной работы заключается в изучении особенностей психологического механизма скулшутинга.

Процедура и методы. При проведении исследования использовались методы психодиагностики, обобщения, интерпретации данных, математической статистики.

Результаты. В ходе работы были выявлены детерминанты криминального поведения, составлен психологический портрет несовершеннолетнего, совершившего насильственные преступления.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в педагогическую психологию, юридическую психологию, расширяют представления о скулшутинге. Результаты могут быть использованы в практической деятельности психологов, педагогов в аспекте проведения профилактических мероприятий, направленных на превенцию криминального поведения несовершеннолетних и формирование безопасной образовательной среды.

Ключевые слова: буллинг, массовость, скулшутинг, несовершеннолетние, преступление, профилактика, убийство

STUDYING THE PSYCHOLOGICAL MECHANISM OF VIOLENT CRIMES AS ONE OF THE ASPECTS OF PREVENTION OF SCHOOL-SHOOTING

Ju. Malyushina¹, S. Shatilovich², O. Fedorova³

¹ Kurgan State University
63, Sovetskaya ul., Kurgan 6400020, Kurgan Region, Russian Federation

² Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
75, Amurskaya ul., Tyumen 625049, Tyumen Region, Russian Federation

³ *Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Kurgan region*

81, Kuibyshev ul., Kurgan 640626, Kurgan Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the features of the psychological mechanism of school-shooting.

Methodology. The study used methods of psychodiagnostics, generalization, interpretation of data, methods of mathematical statistics.

Results. During the work, the determinants of criminal behavior were revealed, a psychological portrait of a minor who committed violent crimes was compiled.

Research implications. The results of the study contribute to pedagogical psychology, legal psychology, and expand ideas about school-shooting. The results can be used in the practical activities of psychologists, teachers in the aspect of carrying out preventive measures aimed at preventing criminal behavior of minors and creating a safe educational environment.

Keywords: bullying, large-scale participation, school-shooting, minors, crime, prevention, murder

Введение

Данная проблема в настоящее время является очень актуальной, т.к. случаи, связанные с применением оружия в общеобразовательной организации, были неоднократными. Так, в 2014 г. один из учеников московской школы начал стрелять, в результате этого были убиты полицейский и педагог; в 2013 г. в школе № 129 г. Красноярск ученик применил оружие в ходе бытовой ссоры, однако квалифицировать этот инцидент как скулшутинг нельзя, т.к. массового убийства или покушения на него не было [9, с. 48–52].

Отечественные криминологи и психологи только недавно начали более подробно освещать и изучать правовые, криминологические, психологические аспекты скулшутинга. Мы согласны с А. Н. Пастушенина, что для системного психологического объяснения преступного поведения нужно изучить психологический механизм, который представляет собой системную совокупность определённых функционально взаимосвязанных психических процессов, состояний, свойств личности

субъекта, а также причин криминального поведения [5, с. 27].

В структуру психологического механизма умышленного преступления входят такие элементы, как мотивы, цели, поводы, причины, способы преступления, особенности допреступного, преступного, постпреступного поведения преступника, а также его отношение к результату преступления.

Постановка проблемы

Для того, чтобы подробно изучить психологический механизм скулшутинга, необходимо рассмотреть этот феномен, для которого характерны планирование, организация, а также совершение вооружённого нападения на территории образовательного учреждения одним или несколькими учащимися с целью массового убийства.

Необходимо отметить, что явление скулшутинга вызывает опасения во всём мире. Скулшутинг также определяется такими аспектами, как интенсивное медиафокусирование, широкое освещение в средствах массовой

информации. Данный феномен получил распространение в XX в. в связи с возникновением так называемого эффекта Колумбайн, получившего своё название по месту происшествия – школы «Колумбайн» в США. В 1999 г. произошло самое громкое вооружённое нападение учеников на своих одноклассников. Этот феномен следует различать с синдромом Вертера, при котором субъекты склонны совершать подражательные убийства и самоубийства.

Необходимо отметить, что скулшутеры достаточно предсказуемы статистически, но непредсказуемы индивидуально. Эти люди мотивированы одной идеей, одной проблемой, но они не захвачены какой-то идеологией, т. е. их умысел не конкретизирован. Они считают оправданным и только единственно возможным применение насилия для достижения своей цели.

Интересуют исследователей и способы профилактики этого явления. По мнению В. А. Карпова, поиск значимости в инцидентах, совершённых скулшутерами, является ключевым фактором понимания причин проявления демонстративного насилия. Е. А. Бунимович в рамках семинара «Проблемы профилактики асоциального поведения» отмечает, что, несмотря на то, что общий уровень подростковой преступности в школах падает, возрастает жестокость преступлений, если они всё же происходят. А. А. Реан, И. Л. Шагалов, И. А. Коновалов отмечают, что необходимо в рамках профилактики криминального поведения подростков и юношей сделать так, чтобы показатели школьного климата также вошли в индексы школ в рейтингах, т. к. на текущий момент они в них не

отражены. Исследователи рассматривали связь агрессивности молодых людей и ретроспективных оценок школьного климата, ими были изучены различные проявления агрессии и аспектов школьного климата, а также отношения между учащимися, взаимодействие учеников с учителями, отношения в педагогическом коллективе и влияние этих отношений на агрессивность. Проведённый ими анализ показал, что школьные правила имеют высокие корреляционные связи со школьными отношениями, а также с проявлением агрессивности молодых людей. Было также установлено, что важную роль играют уважительные контакты учителей с учениками и между самими учащимися [6, с. 143]. При этом благополучие или неблагополучие школьных отношений тесно связано с агрессивностью молодых людей в будущем. Полученные данные рассмотрены в контексте дискуссии о критериях эффективности воспитательной работы образовательных учреждений.

Зарубежными исследователями феномен скулшутинга рассматривается в аспекте его распространения и изучения детерминантов. Стоит сказать, что кризис института семьи является одной из важных причин совершения убийств, т. к. в некоторых семьях допускается применение насилия и жестокое обращение с другими членами семьи. Соответственно, дети видят эти формы взаимоотношений между родителями и начинают сами использовать их в отношениях со своими сёстрами, братьями и сверстниками [8].

Этому способствуют также компьютерные игры с элементами жестокости в психическом поведении, а также личные психологические проблемы, депрессия, деструкции здоровья [3, с. 442].

Многие исследователи также рассматривают виды деструктивной активности в киберпространстве. Это связано со стремительным развитием цифровых технологий. Г. У. Солдатова использует такую дефиницию как «онлайн-агрессия» [7]. Е. Г. Дозорцева, Д. В. Кирюхина считают, что многие подростки не дифференцируют своё поведение в интернет-пространстве и в реальном мире: «кибербуллинг ... может иметь замещающий характер и включать в себя элементы фантазии, например, представления кибербуллера о реакции жертвы; всё это сближает его с иллюзорно-компенсаторными свойствами аддиктивного поведения» [2, с. 85]. Так, А. Г. Горбачева выделяет несколько деструктивных практик в виртуальной среде, к которым можно отнести следующие: троллинг, зависание в социальных сетях, болтовня, харассмент. При этом некоторые субъекты могут применять очернение, имперсонацию, публичное разглашение конфиденциальной информации и др. [1].

Теоретический анализ возможных мотивирующих факторов также может сказать нам о том, что преступники рассматривали свою стрельбу в качестве мести за жестокое обращение с ними. Поэтому исследователи полагают, что буллинг и другие деструктивные практики, как виртуальные, так и реальные, могут быть детерминантами в запуске психологического механизма скулшутинга, т. к. источником страдания этих людей были социальные отношения [14].

Скулшутинг характеризуется отсутствием избирательности жертв, сочетается с символическим характером насилия, реализует намерение напада-

ющего передать послание, сообщение другим [13, р. 187]. Он проявляется в церемониальности, театральности, определённой торжественности действия для скулшутера. Вызывает тревогу тот факт, что скулшутерам не важно, кто будет конечной жертвой, т. к. они не ставят перед собой цель отомстить конкретным людям. Их действие напоминает страшные древние ритуалы, в которых исполнитель играет роль бога перед тем, как его казнят или он совершит самоубийство.

Большинство школьных стрелков связывают своё дело с убеждениями, представленными стрелками в «Колумбайне», которые создали чувство традиции, преемственности и вообразимого сообщества среди стрелков и их поклонников. Такое явление называется «сопротивление без руководства» [13].

Скулшутерами в основном являются личности в возрасте от 16 до 32 лет, и важным фактором, который их отличает, является их когнитивное развитие и воздействие на мир. Чем старше правонарушители, тем вербальнее становятся их желания, послания и демонстрация своих намерений [15].

Кроме того, исследователи отмечают, что пониманию нападений на образовательные учреждения также препятствует исключение из анализа неконфликтных субъектов, хотя стоит отметить, что они зачастую и бывают способными к агрессии. Джованна Капарик и Ханна Донгес считают, что, чтобы понять причины таких атак в школах, нужно подобрать статистические данные по четырём аспектам: частота, адресность, репертуар и цель [10].

Исследователь феномена скулшутинга В. О. Карпов отметил, что скул-

шутинг происходит в организациях системы образования, но при этом личность преступника может быть любой: не имеют значение ни возраст, ни принадлежность к полу, ни социальные характеристики. Обязательным условием является направленность умысла преступника на причинение вреда жизни или здоровью неограниченного круга лиц, а также применение в качестве орудий совершения преступлений стрелкового оружия и взрывных устройств. Исследователь отмечает, что скулшутинг проявляется с использованием любых орудий преступления [3].

Стоит отметить, что большее количество таких нападений произошло в США, при этом они были совершены и в таких странах, как страны Европы, Канада, Азербайджан, и данный феномен появился и в России.

Для предупреждения возникновения скулшутинга необходимо изучить психологический механизм насильственных преступлений и психологический портрет преступника, совершающего насильственные преступления.

Программа исследования

Цель исследования: выявить психологический механизм насильственных преступлений несовершеннолетних правонарушителей, составить психологический портрет насильственного преступника.

Методы исследования: тестирование, анализ результатов исследования, методы математической статистики.

Для исследования были взяты следующие **методики:** «Ценностные ориентации» М. Рокича; методика «Профиль чувств в отношениях», Л. Куликова; «Диагностика мотивационной струк-

туры личности» В. Э. Мильмана; опросник «Субъективная оценка межличностных отношений» (СОМО), С. В. Духновского; «Опросник межличностных отношений» В. Шутца; «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана; «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчика, Х. Келлермана и Х. Конте; была разработана и применена авторская методика «Доминирующий криминальный мотив» Ю. А. Малюшиной, а также проективная методика «Тематический апперцептивный тест (ТАТ)» Г. Мюррея и К. Морган.

Выборка составила 360 респондентов. Из них 180 человек совершили насильственные преступления. С этими респондентами сравнили тех, кто совершил корыстно-насильственные преступления (количество таких участников также составило 180 человек).

Исследование показало, что у несовершеннолетних правонарушителей, совершивших насильственные преступления, выявлено преобладание гедонистических и астенических чувств, доминирующим криминальным мотивом является агрессивный и аморальный, преобладают выраженная физическая и вербальная агрессия, раздражительность, подозрительность, обида, неглубокие эмоциональные отношения и определяется потребность в самоутверждении.

Результаты исследования и их интерпретация

Психологический механизм насильственных преступлений мы рассматривали и изучали в контексте криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей.

По мнению В. Г. Леонтьева, «психологические механизмы представляют собой определённую закономерную связь факторов, условий, средств, структуры, различных отношений, связей, на базе которых возникают мотивы или другие какие-либо формы мотивации» [4, с. 62].

С помощью факторного и корреляционного анализа была построена факторная структура криминальной мотивации несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления, определено качественное своеобразие формирования криминальной мотивации несовершеннолетних правонарушителей. Нами было выявлено, что основным фактором формирования криминальной мотивации является индивидуально-личностный. В данный фактор выделены такие доминирующие компоненты, как: потребность в материальных благах ($F=0,98$), потребность в признании ($F=0,88$), потребность в одобрении ($F=0,86$), самоутверждении ($F=0,83$), Се – потребность в контроле ($F=0,82$), жизнеобеспечении ($F=0,80$), Aw – потребность в глубоких эмоциональных отношениях ($F=-0,92$).

В когнитивном факторе доминируют аморальный мотив ($F=0,75$), работа ($F=-0,62$), развитие ($F=0,54$), рациональность ($F=0,62$), трудолюбие ($F=0,64$), аккуратность ($F=0,56$), долг ($F=0,63$), счастье других ($F=-0,57$). Поскольку аморальный мотив в данном факторе имеет самую большую весовую нагрузку, все другие параметры опосредуются этой мотивацией.

В поведенческом компоненте отмечается преобладание деструктивных копинг-стратегий и механизмов психологической защиты у правонаруши-

телей: напряжённость ($F=0,54$), отчуждённость ($F=0,71$), конфликтность ($F=0,54$), поиск ($F=0,77$), регрессия ($F=0,53$), проекция ($F=-0,84$), гиперкомпенсация ($F=-0,60$), рационализация ($F=0,79$), фрустрационный мотив ($F=0,82$), игровой мотив ($F=0,88$), непримиримость ($F=0,74$), социальный статус ($F=0,81$). Фрустрация потребности в социальном принятии и признании, друзьях, активности, независимости; отчуждённость, непримиримость, напряжённость в межличностных отношениях сопровождаются игровой мотивацией, гиперкомпенсацией, неэффективными копинг-стратегиями и деструктивными механизмами психологической защиты.

В эмоциональном компоненте у правонарушителей доминируют агрессивность ($F=0,61$), эмоциональный мотив ($F=0,76$), гедонические чувства ($F=0,82$), астенические чувства ($F=0,79$), меланхолические чувства ($F=0,83$).

Таким образом, мы выявили, что системообразующим признаком является физическая агрессия в индивидуально-личностном компоненте (52 корреляционные связи), деструктивный механизм психологической защиты – проекция в поведенческом компоненте, напряжённость, отсутствие самоконтроля и нетерпимость в поведенческом компоненте, а также отчуждённость в эмоциональном компоненте.

Например, в результате проведения корреляционного анализа выявлены интеркорреляционные связи показателей компонентов структуры криминальной мотивации. У несовершеннолетних правонарушителей выделяются значимые связи между конфликтно-

стью и поиском ($r = -0,48$), проекцией ($r = 0,46$) и фрустрационным мотивом ($r = 0,39$), самоутверждением ($r = -0,40$) и игровым мотивом ($r = -0,54$), активной жизнью ($r = 0,53$), признанием ($r = 0,46$), независимостью ($r = -0,50$) (уровень значимости при $p \leq 0,01$).

Психологический механизм возникновения насильственных действий можно объяснить следующим образом. Определённая ситуация вызывает у несовершеннолетнего возбудимость и в последующем физическую агрессию на внешний раздражитель. Испытывая состояние напряжённости и отчуждённости, не обладая волей, такой подросток не может себя контролировать и, желая самоутвердиться и удовлетворить возникшие негативные потребности, совершает насилие.

После проведённого психологического исследования с помощью психодиагностических методик нами был составлен психологический портрет личности несовершеннолетнего правонарушителя, совершившего насильственное преступление.

«...Гедонистически направленная личность (средний балл = 65,65, $t = 2,55$ при $p < 0,05$), у которой в то же время преобладают и астенические чувства (средний балл = 45,06, $t = 2,8$ при $p < 0,05$). Ведущими криминальными мотивами поведения являются агрессивный (средний балл = 12,53, $t = 1,02$ при $p < 0,05$) и аморальный (средний балл = 7,52, $t = 1,02$ при $p < 0,05$). Наблюдается ярко выраженная физическая и вербальная агрессия, раздражительность, подозрительность, обида. Борьбу за свои идеи такая личность осуществляет насильственными способами. Выявлены такие механизмы психологической защиты, как гиперкомпенсация (сред-

ний балл = 59,4, $t = 7,4$, $p < 0,05$), проекция (средний балл = 47,75, $t = 1,04$, при $p < 0,05$), замещение (средний балл = 47, $t = 8,2$ при $p < 0,05$).

С помощью метода t -критерия Стьюдента выявлены достоверные различия с результатами несовершеннолетних, совершивших корыстно-насильственные преступления, на уровне значимости при $p \leq 0,05$.

У такой личности наблюдаются агрессивная направленность во взаимоотношениях с другими людьми, склонность к решению проблем посредством использования физической силы, неглубокие эмоциональные отношения, переживание отсутствия близких отношений, дистимия, узкий круг общения, негативизм, отсутствие определённой цели в жизни, потребность в самоутверждении.

Результаты проективной методики выявили проблемы во взаимоотношениях с родителями (например, один из участников нанёс побои отчиму, была попытка убийства отчима), проблемы с волевым контролем и контролем агрессии; в межличностных отношениях проявляются конфликтность (средний балл = 59,4, $t = 5,3$ при $p < 0,05$) и отчуждённость (средний балл = 61,23, $t = 7,4$ при $p < 0,05$), напряжённость (средний балл = 47,75, $t = 2,7$ при $p < 0,05$).

В целом наблюдаются преобладание антиценностей, изменённых жизненных смыслов, деформированное правосознание, склонность удовлетворять возникающие потребности посредством физической силы, низкий волевой контроль, несдержанность эмоций, агрессивная направленность по отношению к другим людям, проявляющаяся в уничтожении чужого

имущества, обесценивании человеческой жизни.

Примером ситуации, где был задействован такой субъект, является трагедия, которая произошла в Керченском политехническом колледже 17 октября 2018 г. Нападавший использовал взрывные устройства и помповое ружьё, на которое имел лицензию.

Во многих случаях в ходе следствия была обнаружена связь с событиями 20 апреля 1999 г. в школе «Колумбайн», т. к. организация преступлений похожа на сценарий того насильственного акта: одежда нападавших, подписки в социальных сетях, в которых героизируются образы стрелков Эрика Харриса и Дилона Клиболда.

Скулшутер часто испытывает отчаяние, злость, может являться жертвой буллинга, который начинает воспринимать как потерю «последней соломинки» [11]. Г. Дуве называет это «разморозкой», которая характеризуется тем, что прежние чувства и отношение ко многим вещам подвергаются определённому разрушению. У преступников возникает кризис идентичности. Скулшутеры считают, что их прошлое, мысли, желания были ошибочными, и, соответственно, разрушая отношения и теряя определённый социальный статус, люди с деформированным правосознанием и высоким уровнем агрессивности прибегают к радикальным действиям, т. к. они считают, что им больше «терять нечего» [12].

Совершённые в 2020 г. попытки скулшутинга в учебных заведениях Саратова, Керчи, Тулы, Казани, заставляют посмотреть на отечественную систему обеспечения безопасности образовательных организаций и про-

филактики правонарушений среди обучающихся.

На наш взгляд, нужно воздействовать на те определённые ключевые факторы, на которые мы можем и должны реально повлиять, в частности, на конфликтную среду в учебных заведениях.

Ответственность организаторов сообществ и владельцев сайтов социальных сетей за распространение деструктивного и противоправного контента должна стать одним из элементов профилактики скулшутинга. Представляется целесообразным изучение и адаптация зарубежного опыта. Примером является методическая база в Великобритании, которая создана в целях противодействия буллингу и насилию в образовательных организациях¹. Она включает краткие памятки для администраций школ, родителей и детей, рекомендации по формированию правильного поведения при проявлениях травли, а также советы по вопросам кибербезопасности и кибербуллинга. В США также функционирует правительственный сайт, посвящённый буллингу². На нём размещена информация о буллинге, его видах, признаках, а также профилактике проявлений насилия в учебных заведениях.

Представляется актуальным проведение научно-прикладных исследований по проблемам обеспечения безопасности детей, профилактики деструктивного поведения несовершеннолетних. Педагогам необходимо

¹ Bulling.UK / Family lives.uk. URL: <https://www.bullying.co.uk>. (дата обращения: 21.02.2021).

² Stopbullying.gov. URL: <https://www.stopbullying.gov>. (дата обращения: 21.02.2021).

разработать видеоролики, мультфильмы, игры, социально-психологические тренинги с учётом психологических особенностей несовершеннолетних, которые будут способствовать формированию нравственных ценностей, правильных жизненных ориентиров, а также развитию правосознания. А также, исследовав психологический механизм насильственных преступлений и изучив детерминанты и мотивы криминальной мотивации несовершеннолетних, можно будет всем субъектам профилактики осуществлять превентивные меры.

В результате теоретического анализа и проведённого исследования можно сделать следующие выводы.

1. Скулшутер может быть просто малозаметным учеником с поведением, которое ни у кого не вызывает беспокойства. Поэтому, учитывая определённый психологический портрет насильственного преступника, мы должны обращать внимание на таких детей.

2. Данный феномен не всегда связан с психиатрией. Большинство скулшутеров имеют нормальный психический статус.

3. Скулшутинг происходит не спонтанно, он требует подготовки, т. е. расстрелам обычно предшествует созревание в течение нескольких месяцев. На каждом этапе этой подготовки есть сигналы, которые педагоги и психологи должны замечать и предупреждать. Многие исследователи отмечают, что на последнем этапе присутствуют явные сигналы: подросток может отговаривать знакомых не приходить в школу или публикует видео соответствующего характера в интернете.

4. Скулшутеры могут быть жертвами кибербуллинга, буллинга, но не

всегда травля будет ярко выражена. Тем не менее у скулшутеров часто являются проблемы в межличностных отношениях (конфликтность, отчуждённость, напряжённость).

5. Ведущими криминальными мотивами поведения являются агрессивный и аморальный, порождённый гипертрофированными аморальными потребностями, деформированным правосознанием, подозрительностью, обидой. Борьбу за свои идеи такой субъект осуществляет насильственными способами. У него, как правило, наблюдаются неглубокие эмоциональные отношения, переживание отсутствия близких отношений, дистимия, узкий круг общения, негативизм, отсутствие определённой цели в жизни, потребность в самоутверждении. В целом наблюдается преобладание антиценностей, изменённых жизненных смыслов.

6. Сам акт нападения – это драматургически организованное действие, с помощью которого скулшутер посылает сообщение окружающему миру.

7. У скулшутера доминирует возникшая обида и возникают стресс, депрессия, хроническая социальная изоляция, при этом он может иметь опыт владения оружием.

8. Исследователи отмечают три важных ресурса, которые блокируют феномен скулшутинга, – школу, семью и хобби. Соответственно, если подросток чувствует успех в каком-либо из этих трёх ресурсов (например, в спорте) или во всех одновременно, у него не будет возникать желание кому-то отомстить.

Проведённый анализ феномена скулшутинга позволяет сделать вывод, что поставленная цель достиг-

нута. Полученные данные могут быть использованы в организациях при работе с несовершеннолетними правонарушителями или подростками, которые были подвергнуты буллингу или вмешаны в киберпреступления. Результаты исследования могут применяться при проведении мониторинга и разработке профилактических меро-

приятий насильственных преступлений. Исследование психологического механизма насильственных преступлений позволяет лучше понять такой социально-психологический феномен, как скулшутинг.

*Статья поступила
в редакцию 14.07.2021*

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачева А. Г. Конструктивные и деструктивные коммуникативные практики людей в сети Интернет // Идеи и идеалы. 2013. Т. 2. № 3. С. 17–25.
2. Дозорцева Е. Г., Кирюхина Д. В. Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков // Прикладная юридическая психология. 2020. № 1 (50). С. 85–91.
3. Карпов В. О. Культ колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 4. С. 442–446.
4. Леонтьев В. Г. Мотивация и психологические механизмы её формирования: монография. Новосибирск: НГПИ, 2002. 262 с.
5. Пастушеня А. Н. Психологический механизм преступного поведения: системно-функциональный анализ // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 27–38.
6. Реан А. А., Шагалов И. Л., Коновалов И. А. Связь ретроспективных оценок школьного климата с готовностью молодых людей к агрессии // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 6. С. 126–143.
7. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Львова Е. Н. Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области // Эпоха науки. 2017. № 12. С. 103–109.
8. Станкевич К. К. Причины и условия формирования мотивов и целей убийств // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 2 (40). С. 81–85.
9. Чунин А. С. Феномен скулшутинга в современной России. Правовой аспект // ОБЗОР. НЦПТИ. 2020. № 3 (22). С. 48–52.
10. Carapic J., Dönges H. Attacks on Education in Conflict, Post-Conflict and Non-Conflict Settings // Women and Children as Victims and Offenders: Background, Prevention, Reintegration. 2016. P. 141–174.
11. Duwe G. The patterns and prevalence of mass murder in twentieth-century // America. Justice Quarterly. 2004. № 2 (4). P. 729–761.
12. Mccauley C., Moskalenko S. Toward a Profile of Lone Wolf Terrorists: What Moves an Individual From Radical Opinion to Radical Action // Terrorism and Political Violence. 2014. № 26 (1). P. 69–85.
13. Malkki L. Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America // Terrorism and Political Violence. 2014. № 26 (1). P. 185–210.
14. Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Bullying, Romantic Rejection, and Conflicts with Teachers: The Crucial Role of Social Dynamics in the Development of School Shootings: a Systematic Review // International Journal of Developmental Science. 2014. № 8. P. 3–24.
15. Sveinung S., Oksanen T. K., Lars E. K. Stories in action: the cultural influences of school shootings on the terrorist attacks in Norway // Critical Studies on Terrorism. 2014. № 7 (2). P. 277–296.

REFERENCES

1. Gorbacheva A. G. [Constructive and destructive communication practices of people on the Internet]. In: *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2013, vol. 2, no. 3, pp. 17–25.
2. Dozorcheva E. G., Kiryuhina D. V. [Cyberbullying and deviant behavior in adolescents]. In: *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya* [Applied Legal Psychology], 2020, no. 1 (50), pp. 85–91.
3. Karpov V. O. [The cult of Columbine: the main determinants of mass murder in schools]. In: *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of Kazan Law University of the Russian Ministry of Internal Affairs], 2018, vol. 9, no. 4, pp. 442–446.
4. Leont'ev V. G. *Motivaciya i psihologicheskie mekhanizmy eyo formirovaniya* [Motivation and psychological mechanisms of its formation]. Novosibirsk, NGPI Publ., 2002. 262 p.
5. Pastushenya A. N. [The psychological mechanism of criminal behavior: a system-functional analysis]. In: *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya* [Applied legal psychology], 2011, no. 1, pp. 27–38.
6. Rean A. A., Shagalov I. L., Kononov I. A. [Linking retrospective assessments of the school climate with the readiness of young people for aggression]. In: *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2020, vol. 25, no. 6, pp. 126–143.
7. Soldatova G. U., Chigar'kova S. V., L'vova E. N. [Online aggression and adolescents: results of the study of schoolchildren in Moscow and Moscow region]. In: *Epoха nauki* [Epoch of Science], 2017, no. 12, pp. 103–109.
8. Stankevich K. K. [Reasons and conditions for the formation of motives and purposes of murders]. In: *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2017, no. 2 (40), pp. 81–85.
9. Chudin A. S. [The phenomenon of school shooting in modern Russia. Legal aspect]. In: *Obzor NCPTI* [Overview of NCPTI], 2020, no. 3 (22), pp. 48–52.
10. Carapic J., Dönges H. Attacks on Education in Conflict, Post-Conflict and Non-Conflict Settings. In: *Women and Children as Victims and Offenders: Background, Prevention, Reintegration*, 2016, pp. 141–174.
11. Duwe G. The patterns and prevalence of mass murder in twentieth-century. In: *America. Justice Quarterly*, 2004, no. 2 (4), pp. 729–761.
12. Mccauley C., Moskalenko S. Toward a Profile of Lone Wolf Terrorists: What Moves an Individual From Radical Opinion to Radical Action. In: *Terrorism and Political Violence*, 2014, no. 26 (1), pp. 69–85.
13. Malkki L. Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America. In: *Terrorism and Political Violence*, 2014, no. 26 (1), pp. 185–210.
14. Sommer F., Leuschner V., Scheithauer H. Bullying, Romantic Rejection, and Conflicts with Teachers: The Crucial Role of Social Dynamics in the Development of School Shootings: a Systematic Review. In: *International Journal of Developmental Science*, 2014, no. 8, pp. 3–24.
15. Sveinung S., Oksanen T. K., Lars E. K. Stories in action: the cultural influences of school shootings on the terrorist attacks in Norway. In: *Critical Studies on Terrorism*, 2014, no. 7 (2), pp. 277–296.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Малюшина Юлия Алексеевна – старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта Курганского государственного университета, внештатный лектор лекторской группы УМВД России по Курганской области; член Международной ассоциации девиантологов;

e-mail:puma-juliya@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5352-5981

Шатилович Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России;
e-mail: shatisergei@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4880-238

Федорова Ольга Борисовна – доцент группы по расследованию преступлений отдела организации дознания Управления Министерства внутренних дел России по Курганской области;
e-mail: uob.45@yandex.ru; ORCID:0000-0002-1250-7015

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Juliya A. Malyushina – Senior Lecturer, Department of Physical culture and Sport, Kurgan State University;
e-mail: puma-juliya@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5352-5981

Sergei N. Shatilovich – Cand. Sci. (Jurisprudence), Assoc. Prof., head of the department, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
e-mail: shatisergei@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4880-238

Olga B. Fedorova – investigator of the crime investigation group of the organization of inquiry, Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for Kurgan region;
e-mail: uob.45@yandex.ru; ORCID:0000-0002-1250-7015

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Малюшина Ю. А., Шатилович С. Н., Федорова О. Б. Изучение психологического механизма насильственных преступлений как один из аспектов профилактики скул-шутинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 3. С. 86–97.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-3-86-97

FOR CITATION

Malyushina J. A., Shatilovich S. N., Fedorova O. B. Studying the psychological mechanism of violent crimes as one of the aspects of prevention of school-shooting. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2021, no. 3, pp. 86-97.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-3-86-97